

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ
СБОРНИК

III

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

Г. Н. Курочкин

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ АРИЕВ

Проблеме арийцев на Ближнем Востоке посвящены, как известно, сотни работ¹. Однако до сих пор никому не удалось, хотя бы предположительно, показать на археологической карте Передней Азии памятники, оставленные ариями. Объясняется это несколькими причинами и не в последнюю очередь тем, что большинство исследований по арийской проблеме было посвящено решению частных лингвистических вопросов; выводы, содержащиеся в этих работах, не могли послужить основой для археологических реконструкций. Положение значительно изменилось с выходом в свет фундаментального исследования А. Камменхубер, существенно дополненного специальной статьей И. М. Дьяконова². В результате тщательного анализа лингвистических данных, связываемых обычно с переднеазиатскими ариями, А. Камменхубер удалось выделить группу бесспорно индоиранских терминов и имен собственных и прийти в конечном итоге к следующим выводам:

1) Достоверных индоиранских терминов и имен собственных в переднеазиатских, в основном хурритского происхождения, документах II тысячелетия до н. э. имеется гораздо меньше, чем считалось ранее.

2) Роль ариев в истории народов Ближнего Востока чрезмерно преувеличена.

3) Воздействие ариев испытала только наиболее восточная группа хурритов, а именно митаннийские хурриты.

Последнее положение позволило И. М. Дьяконову примерно очертить территорию, на которой могли осуществляться хуррито-арийские контакты (см. ниже).

---

¹ См., например, аннотированную библиографию М. Maughofer, *Die Indo-Arier in alten Vorderasien*, Wiesbaden, 1966.

² А. Камменхубер, *Die Arier im Vorderen Orient*, Heidelberg, 1968; И. М. Дьяконов, *Арийцы на Ближнем Востоке — конец мифа*, — ВДИ, 1970, № 4; см. также рецензию Г. Г. Гиоргадзе на работу А. Камменхубер (ВДИ, 1971, № 1).

Выводы Камменхубер — Дьяконова создают благоприятную возможность для привлечения к решению проблемы ариев Ближнего Востока археологических данных.

Каковы же главные требования, которым должны отвечать предполагаемые памятники переднеазиатских ариев?

Материальная культура. Список бесспорных индоиранских слов в переднеазиатских документах II тысячелетия до н. э. чрезвычайно короток. Это имена четырех арийских божеств: Митра, Урувана (обычно осмысливается как Варуна), Индра, Насатья; индоиранские тронные имена некоторых митаннийских правителей, носивших в быту хурритские имена; имена нарицательные — прежде всего коневодческие термины — и числительные из «трактата Киккули» и, может быть, обозначения некоторых украшений. Этот список, наверно, можно дополнить, но степень достоверности индоиранских этимологий будет уменьшаться с каждым новым словом.

Как ни малы эти сведения о переднеазиатских ариях, археологическая информация, которую они содержат, и того меньше. Она по сути дела сводится к нескольким фактам.

Во-первых, бесспорным представляется наличие у ариев Ближнего Востока высокоразвитого коневодства. Доказано, что народы Передней Азии были знакомы с лошадью еще до прихода ариев³. От ариев они заимствовали только методы колесничной тренировки лошадей. Следовательно, эти методы были достаточно совершенны, что свидетельствует о довольно высокой степени освоения лошади ариями и о той роли, которую лошадь играла в их жизни. Следует вообще задаться вопросом, каким образом коневодческие термины (включая, может быть, и некоторые обозначения масти) могли попасть к хурритам. Не исключено, что приемы тренинга лошадей поставлялись вместе с лошадьми.

Во-вторых, поскольку коневодческая терминология связана с тренировкой лошадей в упряжке, ариям должна быть известна и колесница (это не исключает того, что арии первоначально могли заимствовать ее от народов Ближнего Востока).

В-третьих, контакт с хурритами Митанни в пипотетической материальной культуре ариев должен иллюстрироваться митаннийскими импортами.

Локализация. И. М. Дьяконов попытался определить территорию, на которой могли происходить непосредственные хуррито-арийские контакты, исходя из отождествления митаннийцев (Maitani-Mitani) с матиенами античных авторов, привязывае-

³ А. Камменхубер, *Hippologia hethitica*, Wiesbaden, 1961; И. М. Дьяконов, *Арийцы на Ближнем Востоке*, стр. 41.

мых обычно к приурмийскому району Северо-Западного Ирана. К этому следует добавить, что по ассирийским и урартским источникам нам известно о присутствии к югу от озера Урмия (Резайе) в начале I тысячелетия до н. э. хурритоязычного (по именам собственным и топонимике) населения в стране Манна⁴, представляющего собой, по всей вероятности, остатки митаннийцев. О древности пребывания хурритов в этом районе свидетельствует упоминание в шумерских текстах гор Хуррум (вероятно, северный Загрос), от наименования которых, как полагает Фалькенштейн, произошло название хурритов⁵.

Хронология. Два основных документа, в которых зафиксированы индоиранские слова,— договор хеттского царя Суппилулиумы с царем Митанни Куртиваззой и коневодческий «текст Киккули» — датируются XIV в. до н. э. Считается, что в это время прямых хуррито-арийских контактов не было, так как писцы передают арийские термины с искажениями, как слова уже незнакомого им языка. По этой причине митаннийско-индоиранские контакты должны были иметь место несколько ранее середины II тысячелетия до н. э., где-то в первой—второй четверти II тысячелетия до н. э.⁶

Резюмируя все изложенное выше, приходим к выводу, что переднеазиатские арии должны были прийти в соприкосновение с митаннийскими хурритами в Северо-Западном Иране не позднее середины II тысячелетия до н. э. Обязательными элементами материальной культуры ариев Ближнего Востока должны являться: а) конь, б) колесница, в) митаннийские импорты.

Сформулировав условия задачи, обратимся к археологическому материалу.

В конце 50-х гг. попытку определить археологические материалы, имеющие непосредственное отношение к хурритам, предпринял Бартель Хроуда⁷.

Суммировав данные письменных источников, он пришел к выводу, что территория обитания хурритов во II тысячелетии до н. э. охватывала Северную Месопотамию (вплоть до Мари на юге), восток Малой Азии, значительную часть Северо-Западного Ирана⁸. Далее Б. Хроуда проанализировал археологи-

⁴ Г. А. Меликишвили, Некоторые вопросы истории Маннейского царства,— ВДИ, 1949, № 1.

⁵ A. Falkenstein,— ZA, N. F. 15(1949), стр. 337.

⁶ И. М. Дьяконов, Арийцы на Ближнем Востоке, стр. 62; его же, Восточный Иран до Кира,— сб. «История иранского государства и культуры», М., 1971, стр. 129.

⁷ B. Hroudá, Die Hurriter als Problem archäologischer Forschungen,— «Archaeologia Geographica», Jg. 7, August 1958, стр. 14 и сл.

⁸ Ср. И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 114.

ческие памятники III—II тысячелетия до н. э. с этой обширной территории и отметил два основных компонента в материальной культуре — местный и инородный, пришлый.

К местным традициям, например, восходят, по его мнению, такие категории материальной культуры, как роспись на керамике, достигающая своего расцвета в «стиле Нузи», который Хроуда прямо определяет как митаннийский; архитектурные прототипы будущих сирийских дворцов «бит-хилани»; стиль цилиндрических печатей; некоторые украшения и т. д.

Широко распространяющиеся в III—II тысячелетии до н. э. (Алишар I а—в, Ахлатлибель, Геой D, Кюль-Тепе II—III, Полатли VIII, Мари и др.) каменные гробницы — «цисты», по мнению Хроуды, северного или северо-восточного происхождения. Последнее предположение кажется сомнительным. Предпринятый нами анализ погребений из многослойного памятника Тепе Гавра в Северной Месопотамии показал, что гробницы из кирпича-сырца появляются с XI слоя, когда в материальной культуре распространяются также украшения из золота и слоновой кости, происходит замена керамической посуды каменной и т. п. Все это свидетельствует о значительном росте общественного благосостояния, а сосредоточение в отдельных могилах богатого инвентаря и появление каменных гробниц (на первых порах комбинированных — из сырца и камня) указывает на далеко зашедший процесс имущественной (а в косвенной форме и социальной) дифференциации⁹.

С конца III тысячелетия до н. э. на памятниках, входящих в ареал расселения хурритов, засвидетельствованы новые элементы культуры, прежде всего серо-черная и красная керамическая посуда характерных форм, находящая прямые аналогии в памятниках Северо-Восточного Ирана — Гисар, Шах-тепе, Тюренг (иногда их называют также памятниками «астрабадского бронзового века»). Появление этой новой культурной струи Хроуда считал связанным с проникновением сюда носителей хурритского языка.

Нужно сказать, что к иному выводу в то время, наверно, трудно было прийти по двум причинам: во-первых, в первобытной археологии Ирана была распространена «длинная» хронология Мак Кауна, согласно которой памятники «астрабадского бронзового века» прекратили свое существование не позднее конца III тысячелетия до н. э.¹⁰; во-вторых, загадочной оставалась судьба населения, оставившего эти памятники. И поэтому

⁹ См. также исходные данные: A. J. Tobler, Excavations at Tepe Gawra, vol. II, Philadelphia, 1950, главы II—III.

¹⁰ D. E. McCown, The Comparative Stratigraphy of Early Iran, — Studies in Ancient Oriental Civilization, University of Chicago, Oriental Institute, 23, 1942, pl. II.

неудивительно, что появление характерных для памятников «астрабадского бронзового века» элементов в конце III тысячелетия до н. э. на территории, где примерно с этого времени письменными источниками фиксируется хурритоязычное население, было сопоставлено с приходом сюда хурритов.

В настоящее время, однако, хронология Мак Кауна считается неоправданно заглобленной. Прекращение жизни на Тюренг-Тепе, по новым раскопкам Ж. Дейе, относится к XVIII—XVII вв. до н. э.¹¹, конец последнего, III периода Гисара приходится примерно на это же время¹². Выясняется также дальнейшая судьба обитателей этих поселений:

— часть из них перемещается несколько восточнее — в Юго-Западную Туркмению, где известна культура «архаического Дахистана»¹³, доживающая до античного времени¹⁴;

— часть уходит в Пакистан, где так наз. «культура погребений» долины Свата, с многочисленными аналогиями в Гисаре, Марлике, Хасанлу, Хурвине, Сиалке V, связывается с ведическими ариями¹⁵;

— часть уходит в Западный Иран, где появление серой и красной керамики и других характерных элементов материальной культуры связывается с выходом на историческую арену иранских племен¹⁶.

¹¹ J. Deshayes, *New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe, Iran*, — «*Archaeology*», vol. 22(1), 1969, стр. 16.

¹² R. H. Dyson, *Problems in the Relative Chronology of Iran, 6000—2000 B. C.*, — «*Chronologies in Old World Archaeology*», Chicago and London, 1965.

¹³ В. М. Массон, Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении, — «Тр. ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956. Очень важны также новые раскопки И. Н. Хлопина на Сумбаре.

¹⁴ На поселении Куюсай 2 керамика культуры архаического Дахистана сосуществует с керамикой Яз II, причем и та, и другая является в этом комплексе импортной. Б. И. Вайнберг, Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме, — «Археологические открытия», 1971, стр. 531.

¹⁵ Обзор литературы см. Е. Е. Кузьмина, Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией, — КСИА, вып. 132, 1972; А. Я. Щетенко, [рец. на:] *Ancient Pakistan*, vol. III, — СА, 1972, № 1. Е. Е. Кузьмина считает катакомбу нехарактерным элементом для Ирана II — начала I тысячелетий до н. э. Не могу с этим согласиться: катакомбный обряд захоронения известен на памятниках с серой керамикой в Северном Иране едва ли не раньше, чем в Средней Азии — со второй половины III тысячелетия до н. э. (J. Deshayes, *New Evidence*, стр. 14) и существует до начала I тысячелетия до н. э. (И. Н. Хлопин, Древности долины Сумбара, — «Памятники Туркменистана», Ашхабад, 1973, № 1 (15), стр. 10 и сл.). Вероятно, определенную роль в формировании культуры Свата сыграли и среднеазиатские племена, но такие признаки, как каменные цисты, катакомбы, захоронения лошадей, серая и красная керамика и многое другое в высшей степени характерны для памятников Северного Ирана времен контактов ариев с хурритами.

¹⁶ T. C. Young, *The Iranian Migration into the Zagros*, — «*Iran*», V, 1967.

Конечно, о хурритах в Пакистане или в Юго-Западной Туркмении не может быть и речи; напротив, как мы видим, везде расселение потомков населения культуры «астрабадского бронзового века» связывается с распространением тех или иных индоиранских племен.

Хурритскими, в свете указанных соображений, мы, следовательно, можем назвать те особенности материальной культуры, которые Б. Хроуда считал вытекающими из местной традиции¹⁷, а появление характерных для Северного Ирана предметов и традиций в предположительном ареале хурритских памятников нужно рассматривать как проникновение в хурритскую среду индоиранских групп населения.

Б. Хроуда уже обратил внимание на то обстоятельство, что в целом ряде случаев красная и серая керамика и другие предметы из Северо-Восточного Ирана связаны с каменными погребальными сооружениями (гробницы слоя D Геой-Тепе, так наз. «гипогей» Тиль Барсиба, гробница из района Кархемиша и др.)¹⁸. Это, по нашему мнению, говорит о том, что пришлые и немногочисленные индоиранские элементы занимали видное положение в хурритской среде, поскольку, как уже отмечалось выше, появление каменных гробниц в Северной Месопотамии нужно рассматривать как результат социального развития.

В пределах Северо-Западного Ирана известен памятник с каменными погребальными сооружениями, где встречены подхоронения лошадей. Это Марликский могильник¹⁹.

Первоначально некоторые гробницы Марлика, содержавшие лошадиные челюсти и детали конской упряжи, выделялись в особый IV тип погребений, но в 1971 г. в докладе на конференции в Эрмитаже, посвященной 2500-летию Иранского государства, Негахбан сообщил, что следует различать только три типа захоронений, так наз. конские погребения (бывший IV тип) всегда скombинированы с гробницами I типа. Последние, по составу инвентаря, Негахбан определяет как «гробницы воинов или военной знати»²⁰.

В гробнице XXI, помимо удил, найдена также бронзовая фигурка лошади²¹.

Большой интерес представляют две терракотовых фигурки

---

¹⁷ О хурритах в приурмийском районе см. также Г. Н. Курочкин, К интерпретации некоторых изображений раннего железного века на территории Северного Ирана, — СА, 1974, № 2.

¹⁸ B. H r o u d a, Die Hurriter..., стр. 18.

¹⁹ E. O. N e g a h b a n, Preliminary report on Marlik excavation, Teheran, 1964.

²⁰ Там же, стр. 14.

²¹ Э. Негахбан, Краткий отчет о раскопках Марлика, [б. г.], стр. 49, рис. 35, описание на стр. 82 (на перс. яз.).

коней на колесиках, символизирующих колесничную упряжку, между конями фигурка возницы, вооруженного кинжалом²².

С другой стороны, в богатейшем Марликском могильнике встречены предметы, свидетельствующие об определенных контактах с хурритами. По меньшей мере 3—4 цилиндрических печати, обнаруженные в Марлике, — митаннийского производства²³. Характерный сюжет на серебряном чайнике — изображение двуглавого крылатого монстра, держащего в каждой лапе по сфинксу, также находит близкие параллели в митаннийском искусстве²⁴. Оригинальными по форме являются серебряные «бабочковидные» бусы с 4-мя спиралями²⁵. Аналогичные украшения, обнаруженные в Тель Браке IV слоя, в гробницах вождей Аладжа Гуюка, в Мари, а также в царских гробницах Ура, Трое III—II, Б. Хроуда связывает с хурритами²⁶.

Марлик сначала датировался последними веками II — началом I тысячелетия до н. э.²⁷. Однако сейчас по крайней мере часть погребений Марлика датируется временем около середины II тысячелетия до н. э.²⁸. Действительно, Марлик дает массу типологических сходжений с более ранними материалами «астробадского бронзового века». Например, в Марлике найдены сосуды в виде животных и сидящих людей, прототипами которых являются соответствующие предметы из Тепе Гисара III слоя²⁹.

И в Марлике, и в Гисаре имеются общие типы орудий и вооружения (наконечники копий, топоры-тесла с выделенной втулкой, двузубцы и т. п.)³⁰. И, наконец, памятники района Горга-

²² Там же, стр. 51, рис. 94.

²³ E. O. Negahban, Notes on some objects from Marlik, — JNES, XXIV, № 4, 1965, стр. 312—314.

²⁴ E. O. Negahban, Preliminary report..., рис. 137; ср. A. Moortgat, Die bildente Kunst der alten Orients und die Bergvolker, Berlin, 1932, XXIII, pl. 1 (печать Шаушшатара); E. Porada, Cylinder Seals of the late Cypriote Bronze Age, — AJA, LII, 1948, VIII, 10 (согласно Пораде, тип, иллюстрирующий контакты с Митани); наиболее близкая аналогия марликскому божеству относится к первой половине XIV в. до н. э. (правление Эриба-Адада) — A. Parrot, Acquisitions et Inédits du Musée du Louvre, — «Syria», XXXV, fasc. 3—4, Paris, 1958, fig. 66.

²⁵ E. O. Negahban, Preliminary report..., pl. VI, C, стр. 6.

²⁶ B. Hrouda, Die Hurriter..., стр. 18.

²⁷ E. O. Negahban, Preliminary report..., стр. 17, 36; Ch. K. Wilkinson, Art of the Marlik Culture, — «Bulletin of the Metropolitan Museum of Art», XXIX, № 3, стр. 102.

²⁸ См., например, хронологическую таблицу в обзоре иранской археологии последних лет: «Expedition», 13, № 3—4, 1971, стр. 18.

²⁹ E. O. Negahban, Preliminary report..., figs. 91, 92; ср. E. F. Schmidt, Excavations at Tepe Hissar, Damghan, Philadelphia, 1937, pl. XLVI, H2785, H2790.

³⁰ R. H. Dyson, Notes on Weapons and Chronology in Northern Iran around 1000 B. C., — «Dark Ages and Nomads c. 1000 B. C.», Istanbul, 1964, стр. 40; E. F. Schmidt, Excavations at Tepe Hissar, pl. LII, H2710, H3247; pl. L, H3582; E. O. Negahban, Preliminary report..., figs. 45, 124.

на дают наиболее ранние погребальные комплексы марликовского типа (имеется в виду прежде всего Астрабадский «клад», обнаруженный в 1841 г. на Тюренг-Тепе)³¹.

Марликовский могильник относится, видимо, к заключительному этапу хуррито-арийских контактов, которые начались гораздо раньше, еще до того, как памятники «астрабадского бронзового века» в Северо-Восточном Иране прекратили свое существование. Хочется отметить в связи с этим находку в могильнике самого верхнего горизонта Гисара черепа лошади и печати с изображением колесницы, запряженной лошадей³².

С учетом всех имеющихся в нашем распоряжении данных, население Северного Ирана, оставившее памятники типа Гисар, Тюренг, Марлик, представляется наиболее подходящей кандидатурой на роль переднеазиатских ариев.

Особую актуальность поэтому приобретает вопрос о происхождении памятников «астрабадского бронзового века». В материальной культуре этих памятников имеются некоторые признаки, намекающие на связи с Восточной Европой: катакомбный обряд погребения, появляющийся уже в ранних слоях с серой керамикой³³, биспиральные привески, характерные для Балкан и Восточной Европы³⁴, обломок костяной булавы с орнаментом, типичным для молоточковидных булавок³⁵, и т. п., но самое главное, что одновременно с распространением катакомбного обряда захоронения в культуре «астрабадского бронзового века» появляется новый антропологический тип населения, находящий близкие аналогии прежде всего в культурах шнуровой керамики европейского бронзового века³⁶.

Долгое время идут споры о языковой принадлежности переднеазиатских ариев: были ли они индоиранцами, еще не разделившимися на индоарийскую и иранскую ветви, или же протоиранцами, сохранившими в своей лексике арханчные элементы, или же индоариями.

В последнее время наиболее убедительной признается гипотеза об индоарийской атрибуции переднеазиатских ариев³⁷.

В недавно вышедшей статье Барроу на анализе ряда ма-

³¹ C. A. de Bode, On a recently opened tumulus in the neighbourhood of Asterabad, — «Archaeologia», vol. XXX, 1844.

³² E. F. Schmidt, Tepe-Hissar excavations, 1931, — «Museum Journal», vol. XXIII, № 4, Philadelphia, 1933, стр. 414, pl. CXXX, № 892.

³³ J. Deshayes, New Evidence..., стр. 14.

³⁴ J. Deshayes, Rapport préliminaire sur la sixième campagne de fouille à Tureng Tepe (1965), — «Iranica Antiqua», vol. VI, 1966, pl. III, fig. 8.

³⁵ A. T. Arne, Excavations at Shah Tepe, Iran, Stockholm, 1945, стр. 141, 294, fig. 622; стр. 300, fig. 642.

³⁶ В. В. Бунак, Древнейшие краниологические типы Передней Азии, — КСИЭ, II, 1947, стр. 79.

³⁷ В. И. Абаев, К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов, — сб. «Древний Восток и античный мир», М., 1972, стр. 33.

териалов (по большей части данных Авесты) делается заключение о том, что иранцы на территории Средней Азии, Афганистана и Северного Ирана наслоились на индоарийский этнический пласт (Барроу употребляет термин «протоиндоарии», подчеркивая тем самым, что уход в Индию у части этих племен еще впереди³⁸).

Соглашаясь со многими важными и подчас остроумными выводами, содержащимися в статье Барроу, в том числе и с новой, ранней датой жизни Заратуштры, не могу разделить его точку зрения по поводу того, что древнеиранское *daiva* является заимствованием из индоарийского и что под *daiva* иранцы понимали первоначально индоарийских богов, враждебных иранцам. Этому, на наш взгляд, противоречит прежде всего тот факт, что, как показывают данные восточноиранской ономастики, у древних иранцев слово *daiva* сначала служило обозначением божества вообще (как и у индоариев) и лишь позднее (возможно, под влиянием реформы Заратуштры, но, быть может, и независимо от нее) стало обозначать только противников добрых божеств³⁹.

Несколько слов хотелось бы сказать о характере пребывания ариев в Передней Азии. По археологическим данным, это был не кратковременный рейд, как полагают некоторые исследователи, а довольно длительное проживание бок о бок с местными, неиндоиранскими народами. Причем проникновение отдельных индоиранских элементов в ареал обитания хурритов было иногда глубоким. В качестве яркого примера можно упомянуть катакомбу из Тиль Барсиба, содержащую парное погребение с керамикой и другим инвентарем (например, копьями) типов, характерных для бронзового века Северо-Восточного Ирана, а также псалями с изображением вставших на дыбы лошадей⁴⁰.

³⁸ T. Burrow, The Proto-Indoaryans,—JRAS, № 2, 1973. О наложении авестийского диалекта на индоиранский же субстрат в Восточном Иране (в широком смысле этого термина) см. также И. М. Дьяконов, Восточный Иран до Кира, стр. 129. В этой работе И. М. Дьяконов не исключает возможности протоиранской принадлежности переднеазиатских ариев. С точки зрения археолога этот тезис выглядит привлекательным, поскольку в материальной культуре отмечается прямая преемственность между памятниками, принадлежащими с большой вероятностью переднеазиатским ариям, и комплексами того ареала и времени, где и когда ассирийскими источниками фиксируется иранский языковой элемент (Т. С. Young, The Iranian Migration..., также Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970). Подробнее вопросы расселения мидян и персов на археологическом материале рассматриваются нами в специальной работе.

³⁹ W. B. Henning, A Sogdian God,—BSOAS, vol. XXVIII, 1965, стр. 242—254.

⁴⁰ F. Tureau-Dangin, Wunand—Til-Barsib, Paris, 1936, стр. 96 и сл.; fig. 28, pl. XXXI, 7.

Роль ариев в истории народов Передней Азии, конечно, не была культуртрегерской, как справедливо отмечали А. Камменхубер и И. М. Дьяконов; более того, в культурном отношении они были в значительной мере ассимилированы местным высококультурным населением, но в военном плане арии представляли собой внушительную силу, и наиболее близкой им исторической параллелью являются, по всей видимости, киммерийцы и скифы времен переднеазиатских походов⁴¹.

---

⁴¹ В настоящей статье не могли быть учтены работы, вышедшие после 1973 г.